

П.А. Гаджикурбанова

Summum bonum в классическом утилитаризме Основные понятия утилитаристской моральной доктрины¹

Один из основателей утилитаризма Иеремия Бентам следующим образом определил смысл и фундаментальные принципы разделяемой им моральной философии: «Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей, страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. К их престолу привязаны, с одной стороны, образчик хорошего и дурного и, с другой, цель причин и действий. Они управляют нами во всем, что мы делаем: всякое усилие, которое мы можем сделать, чтобы отвергнуть это подданство, послужит только к тому, чтобы доказать и подтвердить его. На словах человек может претендовать на отрицание их могущества, но в действительности он всегда останется подчинен им. Принцип полезности признает это подчинение и берет его в основание той системы, цель которой возвести здание счастья руками разума и закона»². Эти тезисы Бентама в целом формулируют идеи, лежащие в основании утилитаризма, – моральной доктрины, которая, при своей теоретической неоднозначности, полисемии основополагающих принципов и многообразии исторических версий стала своего рода визитной карточкой англо-американской духовной культуры. Наша задача в том, чтобы очертить основные

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РГНФ. Грант № 08-03-00179а.

² *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства / Пер. предисл., примеч. Б.Г.Капустина. М., 1998. С. 9.

контуры этой моральной философии и провести некоторые параллели с концепциями, которые в обосновании моральной практики в большей или меньшей мере опирались на послылки эвдемонистического характера. В этом смысле особый интерес для нас представляют моральные учения Аристотеля и Эпикура.

Прежде всего для Бентама страдание и удовольствие оказываются критериями различения этических феноменов и конструктивными принципами формирования понятий добра и зла. Очевидно, что в этом смысле программа утилитаристской моральной философии в существенной мере вписывается в рамки натуралистической традиции в этике³. В органической жизни страдание и удовольствие (наслаждение) выступают как первичные психофизиологические реакции живого организма на внешние воздействия, они становятся знаками различия благоприятных (удовольствие) и неблагоприятных (страдание) факторов среды. В натуралистической этике оппозиция этих аффектов рассматривается и как критерий для моральной квалификации многообразного жизненного пространства. Действительно, в определенном отношении оба эти переживания наделены «натуральной», эволюционно сложившейся семантикой: в самом общем виде она выражает различение факторов, способствующих или препятствующих самосохранению организма – чувством удовольствия (наслаждения) обозначаются феномены, благоприятствующие ему, и, наоборот, страдание обозначает присутствие всего того, что может организму повредить. В этом смысле можно говорить о том, что мораль составляет часть психологии или антропологии. Как пишет Дж. Милль, «человеческая природа так устроена, что человек ничего иного не желает, как только того, что или само составляет часть счастья, или есть средство к счастью»⁴. В то же время даже непосредственный опыт показывает, что свидетельства чувств далеко не всегда обладают предметной определенностью, ценностным различием и достоверностью. Как мы увидим, сами основатели утилитаристской доктрины осознавали неоднозначность чувственных аффектов как

³ Об этом говорит Кант в своей критике различных версий этического натурализма, осуществленной им в «Критике практического разума»; Джордж Мур в «Принципах этики» также обнаруживает в утилитаристской концепции характерные признаки натуралистического подхода к моральным феноменам.

⁴ Милль Дж. С. Утилитаризм. О свободе / Пер. с англ. А. Н. Неведомского. СПб., 1900. С. 149.

таковых, и это заставляло их осуществлять качественное различение удовольствий, что создавало внутри их концепции дополнительные сложности.

Понятия удовольствия и страдания, с точки зрения Бентама, объединяются понятием «полезности» (utility). Причем, как поясняет Бентам, принцип полезности следует понимать как «принцип величайшего возможного счастья или благоденствия (greatest happiness or greatest felicity principle)», который «полагает величайшее счастье всех тех, о чьем интересе идет дело, истинной и должной целью человеческого действия, целью, единственно истинной и должной и во всех отношениях желательной»⁵. Это разъяснение особенно важно, поскольку связь между идеями счастья и удовольствия, с одной стороны, и идеей пользы с другой, может показаться недостаточно очевидной. Как замечает Бентам, слово «полезность» не так ясно указывает на идеи удовольствия и страдания, как слова «счастье» и «благоденствие», а также не позволяет проводить количественную оценку интересов, и определять меру правильного и неправильного. Тем не менее он и в дальнейшем опирается на принцип полезности, определяя его как «принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью»⁶. Полезно все то, что способно приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье, и предупреждать вред, страдание, зло или несчастье. Регулятивным понятием в этом определении оказывается понятие счастья, которое однозначно связывается с возрастанием удовольствия. В соответствии с натуралистической установкой своей доктрины он объявляет, что известная вещь может содействовать интересу или быть в интересах отдельного лица тогда, когда она стремится увеличить целую сумму его удовольствий или, что одно и то же, уменьшить целую сумму его страданий. Здесь же Бентам формулирует и своеобразное кредо утилитаризма, связывая его с социальными задачами: «принцип полезности утверждает в качестве единственно правильной и справедливой цели правительства наибольшее счастье наибольшего числа людей»⁷.

⁵ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. С. 9.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Там же. С. 14.

Джон Стюарт Милль в своем программном произведении «Утилитаризм» также связывает пользу с удовольствием и с отсутствием страдания. Кроме того, полезное для него становится обозначением приятного и прекрасного. Такое представление он приписывает всей утилитаристской традиции, включающей, по его мнению, философов от Эпикура до Бентама. Под счастьем он понимает удовольствие и отсутствие страдания, под несчастьем – страдание и отсутствие удовольствий. Характерно, что удовольствие и отсутствие страдания, составляющее счастье, определяются Миллем как цели моральной деятельности (они желательны сами по себе). Все иные, достаточно многообразные компоненты моральной жизни являются средством для достижения удовольствия и устранения страдания. Как пишет Милль, «нравственность может быть определена следующим образом: такие правила для руководства человеку в его поступках, через соблюдение которых доставляется всему человечеству существование наивозможно свободное от страданий в наивозможно богатое наслаждениями»⁸.

Однако в решении кардинального, «вечного» вопроса моральной философии – вопроса о соотношении добродетели и счастья, позиция Милля уже не так однозначна. С одной стороны, он, следуя доктринальным положениям утилитаризма, утверждает, что «добродетель в сущности не есть цель, а только средство для достижения цели, и что если бы она не была средством, а сама составляла бы цель, то и не была бы благом». С другой стороны, он допускает, что добродетель может быть желаемая бескорыстно, ради самой себя; она даже может стать желательной сама по себе, но единственно потому, что она составляет *средство* для достижения иной цели, более того, она может стать *частью* этой цели: «Утилитаристская доктрина признает, что хотя добродетель по существу и по происхождению своему не есть часть конечной цели, но может сделаться этой частью, что для тех, кто ее бескорыстно любит, она и есть часть цели, – она любима и желаемая ими не как средство к достижению счастья, но как часть самого счастья»⁹. Правда, следует заметить, что сам Милль не определяет в этом контексте смысл термина «добродетель», видимо, предполагая, что общеупотребительность и традиционность этого понятия не

⁸ Милль Дж.С. Утилитаризм. О свободе. С. 107.

⁹ Там же. С. 146.

требуют дополнительных разъяснений – достаточно того, что оно выступает как оппозиция утилитаристскому понятию «счастья». Мы можем предположить, что традиционное понятие добродетели в понимании Милля включает в себе некую форму мотивации (побудительный мотив, интерес) морального действия, лишенного гедонистических качеств. С его точки зрения, добродетель может и должна сама по себе нравиться моральному субъекту и кроме того, добродетельное действие должно вызывать наслаждение: «Человек не имеет ни малейшего побуждения, ни малейшего желания быть добродетельным ради того только, чтобы быть добродетельным: добродетель возбуждает его желание только потому, что составляет средство получить наслаждение и, в особенности, устранить страдание, и единственно вследствие своего значения, как средства к достижению счастья, может она стать для человека сама благом, и даже наиболее желательным, чем какое-либо другое благо»¹⁰. Тожество добродетели со счастьем (высшим наслаждением) также составляет отличительный признак эвдемонизма Аристотеля.

Доказательная база утилитаристского принципа опирается на данные непосредственного опыта. По словам Милля, факт видности или слышимости какого-либо предмета доказывается только тем, что его все видят и слышат: такова доказательность всякого опытного знания. Точно так же мы не можем представить никакого другого свидетельства, что какой-то предмет желателен (*desirable*), кроме того, что его все желают. Если бы жизнь действительно не имела той цели, которую признает за ней утилитаристская доктрина, то и не было бы никакой возможности убедить кого-нибудь в том, что такова действительно цель жизни. Каждый человек желает счастья, насколько считает его для себя достижимым. Следовательно, этот факт составляет, по Миллю, полное доказательство того, что счастье есть одна из целей человеческих поступков, а, стало быть, и один из критериев нравственности¹¹. Строгость или доказательность такого рассуждения Милля, а также соответствие его определенным императивам традиционной морали оказались неубедительными для многих оппонентов утилитаризма как в прошлом, так и в настоящем.

¹⁰ Милль Дж.С. Утилитаризм. О свободе. С. 148.

¹¹ Там же. С. 145.

По мнению современного исследователя утилитаризма Джеффри Скара, эта посылка Милля логически некорректна: в то время как доказательством видимости или слышимости какого-либо феномена является тот факт, что люди его видят или слышат, его желательность не может быть доказана на основании того, что кто-то его желает. Ведь «быть желательным» (*desirable*) еще не означает «обладать свойством быть желательным» (*able to be desired*), а скорее – «достойное быть желательным» (*worthy to be desired*). Счастье может быть желаемо всеми или многими людьми, но из этого не следует, что они *должны* его желать (*ought to want*). Может быть, им следовало бы, скорее, желать исполнить свой долг или подчиниться воле Творца¹². Со своей стороны, отметим, что данный упрек является своего рода модификацией известного тезиса Д.Юма о некорректности перехода от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен». Очевидно, в данном случае Милль руководствуется индуктивным методом и прибегает к свидетельствам непосредственного опыта, которые подтверждают, что в повседневной практике и в большинстве случаев нормальному человеческому субъекту естественным образом присуще желание счастья, т. е. стремление получить удовольствие и избежать страданий. Милль в данном случае не говорит, из какого рода удовольствий (наслаждений) складывается его понимание счастья – это, как мы увидим, составляет особый предмет его рассуждений.

Автор приведенного исследования и далее возражает Миллю, частично повторяя некоторые мысли Дж. Мура: «Натуралистическая теория ценностей не допускает мысли о том, что вещи, составляющие естественный предмет желания у хорошо информированных людей, могут, тем не менее, оказаться ничего не стоящими. Как известно, мы можем иметь дело с ложными стремлениями, ориентированными на то, что в действительности вредно для нас... Такого рода заблуждения в общем поддаются исправлению. Но обычно трудно поверить, что всеобщее желание счастья может в такой же мере строиться на незнании того, что оно не обладает реальным содержанием. Если все люди в общем желают счастья, то мы с трудом можем допустить, что предмет их желания может, тем не менее, оказаться для них губительным»¹³. Дж. Скар также

¹² Scarre G. *Utilitarianism*. L., 1996. P. 234.

¹³ Ibid.

указывает на несколько противоречивый характер теории ценностей Милля. Милль кладет в основу морали и делает критерием различения добра и зла феномен удовольствия (и отсутствие страдания), тем самым само по себе ценностное содержание удовольствия оказывается морально неразличимым, поскольку сам феномен удовольствия, будучи моделирующим принципом нравственной жизни, выступает как мера различения полезного и вредного. Поэтому требование разделения целей, движущих людьми, на достойные их стремлений (благие, полезные) и недостойные (вредоносные, бесполезные), предполагающее знание об их ценностном (истинностном) значении, должно опираться на критерии, отличные от удовольствия.

На рубеже веков Дж. Мур осуществил концептуальный поворот, который был инициирован Дж. Миллем и Г. Сиджвиком, ставший одним из отличительных признаков современного утилитаризма. Дж. Мур заменил понятие пользы, являвшееся высшим принципом утилитаристской этики, понятием блага и заместил выражение «наибольшее счастье для наибольшего числа людей» другим – «максимальная совокупность благ (maximum net sum)». **Это дало новый толчок развитию теории: если принципы субъективного счастья перестали служить единственным источником моральных ценностей, многие иные моральные сущности, уже объективного характера, такие как справедливость, добродетель, и социальный порядок могли стать более предпочтительными для морального выбора¹⁴.** Объективность этих оснований моральной жизни привела многих исследователей к мысли о том, что они могли бы служить более «точными» и научнообразными инструментами осуществления значимых социально-политических проектов.

Важнейшим мотивом утилитаристской этики, отличающим ее от иных гедонистических моральных концепций, в частности, от эпикуреизма, была социальная значимость предлагаемых ею моральных императивов. Высшей целью нравственной деятельности была объявлена не личная польза субъекта моральной жизни (эгоистический интерес), а общественная польза: «Под полезностью понимается то свойство предмета, по которому он имеет стремление приносить благодеяние, выгоду, удовольствие, добро или счастье

¹⁴ Häyry M. Liberal Utilitarianism and Applied Ethics. N. Y., 1994. P. 50–52.

(все это в настоящем случае сводится к одному), предупреждать вред, страдание, зло или несчастье той стороны, об интересе которой идет речь: если эта сторона есть целое общество, то счастье общества; если это отдельное лицо, то счастье этого отдельного лица»¹⁵. Но как интерес отдельного лица соотносится с общественной пользой? Бентам просто решает эту проблему: интерес общества есть сумма интересов отдельных составляющих его членов. У Бентама это нравственное требование обретает политическое измерение: «Известная мера правительства (это только особенный род действия, совершаемого частным лицом или лицами) может быть названа сообразной с принципом полезности или внушенной этим принципом, когда таким же образом стремление этой меры увеличить счастье общества бывает больше, чем ее стремление уменьшить это счастье»¹⁶. Характерно, что фундаментальный принцип утилитаристской этики – принцип «наибольшего счастья наибольшего числа людей», – рассматривается Бентамом прежде всего как элемент политической программы морально ответственного правительства. Впрочем, взгляд на мораль как составную часть политики (именно в ее прагматическом, т. е. утилитарном аспекте) не является открытием Бентама – как известно, это прямо утверждается в «Никомаховой этике» Аристотеля. Но, в отличие от Аристотеля, Бентам в списке своих приоритетов на первое место ставит все же интересы отдельного лица: «Напрасно толковать об интересе общества, не понимая, что такое интерес отдельного лица. Известная вещь может содействовать интересу или быть в интересах отдельного лица тогда, когда она стремится увеличить целую сумму его удовольствий или, что одно и то же, уменьшить целую сумму его страданий»¹⁷. Здесь, возможно, сказываются либералистские симпатии Бентама.

Еще более выразительно о социальном назначении моральной философии утилитаризма говорит Милль: «одним словом, утилитаристский принцип требует, чтоб каждый индивидуум был доведен до сознания, что его собственное счастье для него невозможно, если его поступки будут противоречить общему счастью, – он требует, чтоб стремление к общему счастью сделалось обычным

¹⁵ Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Там же.

мотивом поступков каждого индивидуума»¹⁸. Милль вслед за Бентамом рассматривает соотношение частного и общего (общественного) интереса или пользы с позиций индуктивной логики: «утилитаристский принцип ставит для человека целью не личное его величайшее счастье, а величайшую сумму общего счастья всех»¹⁹; «большая часть хороших поступков совершается нами вовсе не из стремления к мировой пользе, а просто из стремления к индивидуальным пользам, из которых и складывается мировое благо»²⁰. Дж. Скар в своей книге приводит ссылку на одно из писем Милля, в котором тот вполне определенно выражает свою убежденность в том, что «если счастье является благом для субъекта А, подобно тому как является благом счастье для субъектов В, С и других, то и сумма всех этих благ должна рассматриваться как благо»²¹. Милль предполагает, что общее благо (благо в утилитаристском смысле) является целью разумных стремлений каждого индивидуума. Милль доказывает, а фактически декларирует это, прибегая к примеру сложения благ отдельных личностей, из простой суммы которых, по его мнению и мнению Бентама, вырастает общее благо, которое оказывается столь же желательным для каждого из них, как и его собственное.

Однако Милль не достигает своей цели, ведь если счастье каждого индивидуума является благом для него одного, счастье всех окажется, в определенном смысле, благом для всех, но это не то же самое, что сказать, будто общее счастье является благом для каждого из них. В этом случае мы имеем дело с системными свойствами в их соотношении со свойствами, присущими каждому отдельному элементу системы: общее не представляет собой суммы элементов. Можно вспомнить о проведенном еще Руссо различении между волей народа как совокупности индивидуумов и народной волей. Если подходить к данному вопросу с точки зрения принципа пользы, то несложно вообразить себе вполне реальную ситуацию, когда общая польза (на языке утилитаризма – общее удовольствие или наслаждение) может не совпадать с пользой, т. е. с удовольствием какого-либо отдельного лица, входящего в общий список.

¹⁸ Милль Дж. С. Утилитаризм. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 106.

²⁰ Там же. С. 117.

²¹ Scarre G. Utilitarianism. P. 234.

При этом в своей классификации благ Милль признает в человеке способность жертвовать величайшим своим личным счастьем для счастья других, но целесообразность этой жертвы признается им только при условии, что она может привести к увеличению суммы общего счастья (даже в арифметическом смысле) и счастья каждого из членов общества. Это, очевидно, должна быть полезная жертва – самоценность какого-либо акта самопожертвования Милль отвергает. С его точки зрения, развитие человечества сопровождается нравственным прогрессом, по завершении его состояние рода человеческого приблизится к идеалу, образ которого кажется заимствованным Миллем из христианской эсхатологии: «С каждым шагом на пути умственного прогресса постоянно усиливаются те влияния, которые по самой природе своей тяготееют возбудить в каждом индивидууме чувства единения с другими людьми, и чувство это может развиться до такого совершенства, что для человека сделается невозможным не только желание, но даже и самая мысль о таком личном благе, которое бы в то же время не было и благом всех»²². И здесь в утилитаристской доктрине вновь появляются элементы натурализма: на высшем уровне развития нравственной природы индивидуума в предельной точке истории альтруистическая мотивированность его поведения из разумного акта превращается в «естественное чувство», которое «представляется их уму не как предубеждение, навязанное воспитанием, не как закон, деспотически наложенный на них общественной властью, но как некая их принадлежность, без которой им тяжело было бы жить»²³.

Один из современных исследователей утилитаризма выдвигает гипотезу, согласно которой доктрина Бентама чисто теоретически могла бы допустить возможность достижения человеческого счастья путем применения принудительных законов тоталитарного общества и чистки мозгов²⁴. В этом случае антиутопия Олдоса Хаксли, где люди привыкли к суггестивному принудительному воздействию невидимой власти на их умы, вполне соответствовала бы утилитаристскому социальному идеалу (мы можем вспомнить и более позднее изобретение такого же рода – *experience machine*

²² Милль Дж. С. Утилитаризм. С. 139.

²³ Там же. С. 141.

²⁴ Häyry M. Liberal Utilitarianism and Applied Ethics. P. 43.

Роберта Нозика). Этого нельзя сказать о Милле, который, по мнению автора этой гипотезы, отличался от Бентама тем, что различал наслаждения по их качеству, поэтому восстанавливающие игры в духе Хаксли не пришлись бы ему по душе, поскольку они соответствовали бы наслаждениям «низкого» рода и не способствовали бы развитию «высших» потребностей человека. Наиболее предпочтительной формой социального устройства для Милля была такая организация общества, при которой «благородные» наслаждения могли бы стать доступными для максимально большего числа его обитателей. С точки зрения Милля, в идеальном обществе не допускается произвольное вмешательство в человеческую жизнь, единственной функцией закона является предотвращение конфликтов между индивидуумами. Он допускал, что и принудительный общественный порядок может временами порождать исключительные и благородные личности. Но, тем не менее, моральное и интеллектуальное развитие рядовых членов общества, которое для него было более важным, невозможно без свободы в личных делах, они не могут быть принуждаемы даже при испытании благородных удовольствий, сохраняя автономию личности и право на самоопределение.

В утилитаристской этике проблема качественной дифференциации наслаждений приобретает принципиальное значение в аспекте соотношения общего интереса с частным. Увеличение счастья (наслаждения) составляет по утилитаристской этике единственную цель добродетели. Критерий интенсивности наслаждений, будучи их количественным признаком, выходит за пределы моральной квалификации человеческих ощущений, а в таком случае вопрос о том, «добрыми» или «злыми» чувствами обуреваем моральный субъект, теряет свое значение. Наслаждение становится морально безразличным. В практическом приложении эта первичная оппозиция утилитаристов выступает как противоположность социально полезного и социально вредного, а абстрактная дихотомия этических понятий обретает практический, приоритетный для утилитаризма смысл. В таком случае наслаждения, составляющие цель стремлений отдельного субъекта, не могут оставаться качественно неразличимыми, и нравственному человеку должно относиться к ним избирательно: «чтоб его поступки совершенно удовлетворяли требованиям добродетели, он необходимо обязан

восходить в своем сознании выше окружающих его интересов только в той степени, в какой это нужно для того, чтоб убедиться, что польза, делаемая им для его окружающих, не нарушает ничьих прав, т. е. ничьих основательных и законных ожиданий»²⁵.

Социальная прагматика является фундаментальным мотивом, первичной движущей силой утилитаристской этики. В соответствии с ней выстраивается и иерархия ценностных различий утилитаризма – моральную санкцию получает только то, что может выступать как полезное обществу. Форма всеобщности морального закона прямо спроецирована на социальное пространство, в пределах которого и осуществляется верификация моральных императивов: «Конечно, каждый человек должен сознавать себя обязанным воздерживаться от тех поступков, которые запрещаются нравственностью, хотя бы даже эти поступки в каком-нибудь частном случае и оказывались полезными для достижения его совершенно законных стремлений; его обязывают к этому требования общего блага»²⁶. В этом контексте моральное учение Милля оказывается неоднозначным. С одной стороны, он настаивает на том, что в утилитаристских моральных калькуляциях должны учитываться качественные различия между разными типами наслаждений. С другой стороны, он также подчеркивает, что в действительности лучшим средством внесения качественного различия в такого рода расчеты является исключение из сферы законодательства и социальной политики форм поведения, связанных с эгоистическими интересами²⁷.

Качество и количество удовольствий

Проблема различения количественных и качественных параметров принципа удовольствия является фундаментальной проблемой утилитаристской этики²⁸. Его значимость красноречиво

²⁵ Милль Дж.С. Утилитаризм. С. 118.

²⁶ Там же.

²⁷ Нэйру М. Liberal Utilitarianism and Applied Ethics. P. 43.

²⁸ Проблематика различения качественных и количественных градаций человеческих ощущений не является изобретением утилитаризма, а известна еще в эпикурейской традиции. Своеобразная форма ее истолкования представлена в трактате Цицерона «О пределах добра и зла» (I 11, 38; II 3, 10): речь идет не о различении одного типа удовольствий по интенсивности их проявления, а об их вариативности.

выражена в известном высказывании Милля, ставшим крылатым выражением: «Лучше быть недовольным человеком, чем довольною свиньей, – недовольным Сократом, чем довольным дураком»²⁹. Определение высшего критерия моральной жизни через понятие гедонистического характера (удовольствие) и, в свою очередь, непроизвольное тяготение теоретиков утилитаризма к экстенсивным параметрам полезности (для Бентама польза включает в себе стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет речь) способствовало формированию представления об утилитаризме как моральной доктрине, однозначно ориентированной на количественный анализ моральных феноменов и безразличной к их качественной дифференциации.

Одним из устойчивых стереотипов при изложении основоположений утилитаристской моральной доктрины является тезис о том, что в то время как Бентама интересовал исключительно количественный аспект принципа удовольствия, Милль, в отличие от него, сделал попытку выделить качественные параметры понятия наслаждения. И хотя такое представление об утилитаризме разделяется целым рядом современных исследователей, оно все же кажется чересчур категоричным³⁰. Как полагал Бентам, на первый взгляд все удовольствия и страдания, несмотря на их различие и типы, сами по себе являются равноценными. Он выделял четыре основных источника возникновения феноменов удовлетворения или неудовлетворения, определяя их как четыре «санкции» – физические, политические, моральные и религиозные. Бентам настаивает на том, что ощущения удовольствия и страдания различаются между собой не по их роду, а только по обстоятельствам их происхождения. Таким образом, в своей

²⁹ Милль Дж.С. Утилитаризм. С. 103. Типология основных позиций, представленных в современной комментаторской литературе, по проблеме соотношения количественных и качественных критериев оценки удовольствий в этике Милля, содержится в статье: *Donner W. Mill's utilitarianism // The Cambridge Companion to Mill. Cambridge, 2006. P. 255–292.*

³⁰ Убедительные свидетельства усилий самого Бентама дифференцировать и даже систематизировать различные, в том числе и качественные измерения удовольствий, построить их своеобразную типологию со ссылкой на основной труд Бентама приводятся в книге: *Rosen F. Classical Utilitarianism from Hume to Mill. L., 2003. P. 56–57, 176.* Противоположная позиция представлена, например, в работе: *Nussbaum M.C. Mill between Aristotle & Bentham // Daedalus. 2004. March 22.*

этической системе, формулируя ценностные суждения, Бентам не оставлял места для качественного различения между типами ощущений. В количественном анализе ощущений удовольствий и страданий он выделял четыре основных аспекта их различения – по интенсивности, длительности, достоверности/недостоверности, приближенности/удаленности, и еще два дополнительных. Мы не можем однозначно судить о том, являлась ли эта схематика ощущений для Бентама реальной моделью классификации моральных феноменов или же она просто служила ему в качестве некоего оперативного инструментария. От понимания этого зависят и наши возможности в оценке его теории.

В V главе «Введения в основание нравственности и законодательства» Бентам перечисляет 14 видов наслаждений и двенадцать видов страданий, он составляет типологию разнообразных *качественных различий* в пределах каждого из этих оппозиционных друг другу видов ощущений, опираясь на данные опыта и дедуктивные выводы (очевидно, что наслаждения от приятных воспоминаний отличны от наслаждений физической силой или сноровкой). Правда, здесь Бентам замечает, что вряд ли нам удастся сравнить между собой степень удовольствий, существующую в пределах наслаждений одного рода, если соотносить их с иного рода удовольствиями, разве что в субъективном предпочтении одного другому.

В одной из своих самых острых сентенций Бентам достаточно определенно формулирует свое понимание сущности рассматриваемой нами проблемы: удовольствие, доставляемое игрой в кнопки, можно считать равноценным наслаждению изобразительными искусствами и поэзией, если же игра в кнопки доставляет больше наслаждения, то она более ценна, чем они. Играть в кнопки может каждый, а поэзия и музыка – удел немногих³¹. Следует обратить внимание на то, что в этом выразительном отрывке Бентам не утверждает отсутствие качественных различий между видами удовольствия, а говорит об их сравнительной *ценности*. Иные тексты Бентама свидетельствуют о том, что степень возрастания или уменьшения удовольствий не может быть исчислена с какой-либо достоверностью, а является мерой интенсивности их субъективного восприятия, определяемой внутренним расположением отдельного лица.

³¹ Rosen F. Classical Utilitarianism from Hume to Mill. P. 175.

Слова Милля в «Утилитаризме» о том, что некоторые разновидности удовольствия более привлекательны, чем другие в целом не противоречат идеям Бентама. В то же время следующий отрывок из «Введения в основание нравственности и законодательства», где Бентам использует понятие «гнуснейшее удовольствие», позволяет предположить, что английский моралист не сомневался в существовании шкалы удовольствий, определяемой не интенсивностью ощущений (логика количества), а их качественным содержанием – в современных дискуссиях по проблемам утилитаристской этики тема статуса «злых наслаждений» является одной из самых острых. Здесь Бентам даже готов признать некоторую правоту принципа аскетизма – он утверждает, что только на основании принципа аскетизма, а не принципа полезности «могло бы быть осуждено гнуснейшее удовольствие, извлекаемое самым низким злодеем из своего преступления, если бы оно стояло одно. Но дело в том, что оно никогда не стоит одно, но необходимо сопровождается таким количеством страдания (или, что одно и то же, таким шансом на известное количество страдания), что в сравнении с ним удовольствие превращается в ничто»³². Тем самым, говорить о том, что Бентам вовсе не принимает во внимание качественные характеристики удовольствий, неправомерно. При этом очевидно, что в данном примере негативная качественная характеристика удовольствия сопровождается и подчиняется количественным параметрам (возрастание количества страдания).

Джордж Милль в зрелый период своего творчества однозначно настаивал на том, что интеллектуальные и моральные удовольствия в большей мере способствуют нашему счастью, чем сами по себе физические наслаждения. Ссылаясь на опыт такого рода различий в эпикурейской моральной доктрине, Милль добавляет, что превосходство разумных наслаждений над телесными состоит не только в простом наборе таких «косвенных признаков», как их длительность, надежность, о чем говорили эпикурейцы. С точки зрения Милля, более высокие удовольствия обладают еще и некоторыми неутилитарными качествами, которых нет у низших: «утилитарианские писатели основывали превосходство умственных наслаждений перед чувственными главным образом на том, что первые прочнее, надежнее, дешевле, нежели послед-

³² Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. С. 18.

ние, т. е. не на внутреннем их достоинстве, а на преимуществах совершенно внешних; но хотя они с этой точки зрения вполне доказали справедливость своего учения, тем не менее я охотно соглашаюсь, что, для предпочтения умственных наслаждений чувственным, они могли бы взять и другое основание, которое считается более возвышенным..., по моему мнению, совершенно нелепым представляется утверждение, что удовольствия должны быть оцениваемы исключительно только по их количеству, тогда как при оценке всякого другого предмета мы принимаем во внимание и количество, и качество»³³.

Приоритет благородных удовольствий над низкими выражается Миллем еще более радикально: если люди, вполне испытавшие два каких-либо удовольствия, отдадут одному из них столь большое предпочтение, хотя и знают, что достижение его сопряжено с гораздо большими неприятностями, чем достижение другого, но все-таки предпочитают его даже и тогда, когда другое представляется им в самом большем количестве, в каком только возможно, то мы имеем полное основание заключить, что предпочитаемое удовольствие имеет перед другим столь значительное качественное превосходство, что количественное между ними отношение теряет при этом почти всякое значение³⁴. Этот вывод был сделан им в его главном труде «Утилитаризм», в то же время и в своем раннем творчестве Милль не разделял свойственной Бентаму убежденности в том, что все виды человеческих совершенств тождественны степени реализации в них тех или иных наслаждений³⁵. Как писал в 1830 г. Милль, принципиальной ошибкой Бентама было не то, что он недооценивал разнообразие и спецификацию наслаждений, но мысль о том, что наслаждения являются единственной достойной целью человеческой деятельности. К числу таких целей могут относиться «духовное совершенство» и самоуважение, а также тяготение к таким внешним реальностям, как красота, порядок и истина. По его словам, духовное совершенство или любовь к красоте могут приносить удовольствие, но оно не является побудительным мотивом, заставляющим нас стремиться к ним как к цели: они должны прежде всего рассматриваться как самостоятельные, ав-

³³ Милль Дж. С. Утилитаризм. С. 100–101.

³⁴ Там же. С. 102.

³⁵ Scarre G. Utilitarianism. P. 93.

тономные и достойные высокой оценки компоненты человеческой жизни, к которым мы стремимся еще до того, как получаем от них наслаждение. Интересно, что в более ранних трудах Милля фигурирует и понятие «благородство характера», но в своем основном произведении «Утилитаризм» Милль задается вопросом о том, всегда ли благородный характер счастлив исключительно в силу своего благородства, а не от наслаждения им.

Однозначная приверженность Милля гедонистическим принципам Бентама вовсе не дезавуирует его более ранней позиции в решении моральных проблем. Возможно, именно пристальный интерес Милля к качественной стороне наслаждений и более фундаментальная, чем у Бентама разработка этой моральной проблемы в его доктрине позволила ему синтезировать автономию объективных ценностей человеческой жизни негедонистического характера с убежденностью в том, что только удовольствие может служить высшей целью человеческой деятельности.

Библиография

1. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства / Пер. предисл., примеч. Б.Г.Капустина. М., 1998.
2. *Милль Дж.С.* Утилитарианизм. О свободе / Пер. с англ. А.Н.Неведомского. 3-е русское издание. СПб.: Изд. книгопродавца И.П.Перевозникова. 1900.
3. *Donner W.* Mill's utilitarianism // *The Cambridge Companion to Mill.* Cambridge, 2006.
4. *Häyry M.* Liberal Utilitarianism and Applied Ethics. N.Y., 1994.
Nussbaum M. Mill between Aristotle & Bentham // *Daedalus.* 2004. March 22.
5. *Rosen F.* Classical Utilitarianism from Hume to Mill. L., 2003.
6. *Scarre G.* Utilitarianism. L., 1996. P. 234.